

Генерал-лейтенант Шрайзе: «Разве вы не можете задействовать на передовой Вундерваффе, уничтожившее дакийскую армию, и быстро покончить с этим?»

Майор Дегуршафф: «Ни при каких обстоятельствах. Нам очень повезло, что оружие работало так хорошо, и еще больше повезло, что поблизости не было имперских солдат. Это не точное оружие, и я не стану рисковать верными имперскими солдатами, используя его в окопах».

Генерал-полковник Врагелл: «Почему нет?»

Майор Дегуршафф: «Боюсь, это засекречено. Вы должны верить, что я знаю, о чем говорю, и что развертывание этого оружия здесь принесет Империи гораздо больше вреда, чем пользы. Но не отчаивайтесь, джентльмены. К счастью, у Подразделения Y есть и другое оружие в арсенале. Возможно, Проект К здесь и бесполезен, но я верю, что мы можем помочь вам достичь наших целей, используя альтернативный подход».

Генерал-лейтенант Шрайзе: «До нас дошли только слухи о вас и о работе вашего отдела. Сколько у вас таких «Проектов», майор?»

Майор Дегуршафф: «Боюсь, это тоже засекречено, генерал-лейтенант».

Бригадный генерал Рудерсдорф: «И не зря. Как стало ясно в последнее время, Империя окружена врагами, и сохранение наших козырей в тайне имеет первостепенное значение. Я уже обсудил с майором возможности некоторых из Вундерваффе, которым еще только предстоит показать себя, и мы разработали грубые наброски плана о совместной работе наших сил, чтобы переломить ход войны. Мы будем полагаться на вас всех в сглаживании деталей».

Майор Дегуршафф: «Первым шагом этого плана будет уничтожение сил Антанты, в районе Нордена. Чтобы помочь в достижении этой цели, я привела с собой подкрепление для корпуса магов».

Генерал-лейтенант Шрайзе: «Какое подкрепление? С вами прибыло меньше пятидесяти человек. Даже если они все ветераны...»

Майор Дегуршафф: «Уверю вас, для наших нужд их более чем достаточно».

Выдержка из протокола заседания Северного имперского штаба, записанного адъютантом Гектором Браумом 20 октября 1924 г.

От кого: Майор Таня Дегуршафф

Кому: Бригадному генералу Гансу фон Зеттуру

Тема: Северный фронт.

Дата: 16 ноября 1924 г.

Бригадный генерал,

Теперь, когда регион Норден снова находится под твердым контролем Империи, мы готовы перейти к следующему этапу плана, разработанного бригадным генералом Рудерсдорфом с помощью штаба Северной армии при моей скромной поддержке.

Хотя Проект U и будет участвовать в этом плане, как и при захвате Нордена, одного этого будет недостаточно. Поэтому я официально запрашиваю разрешение на развертывание проекта N в координации с элементами проекта U, а также уже присутствующими на фронте имперскими силами под командованием бригадного генерала Рудерсдорфа.

За Отчизну.

От кого: бригадный генерал Ганс фон Зеттур

Кому: майор Таня Дегуршафф

Тема : Разрешение Северного фронта

Дата: 17 ноября 1924 г.

Майор,

Поздравляем вас с образцовой работой в Нордене. Передайте привет Рудерсдорфу.

Разрешение даю. Можете действовать так, как считаете нужным.

За Отчизну.

«Расположенный на южном побережье Легадонской Антанты, город Ос служит логистическим узлом для всей страны. Его железнодорожная сеть соединяет все уголки Антанты, позволяя быстро доставлять припасы и войска.

Этот город, жизненно важный для военных нужд Антанты, защищен Осфьордом: набором прибрежных фортов, использующих преимущества местной географии и оснащенных зенитными батареями, а также артиллерийскими и торпедными бункерами. Там постоянно дежурит как минимум одна рота магов, а помещения рассчитаны на несколько сотен солдат.

Кроме того, воды вокруг Осфьорда защищены водными минами и постоянно патрулируются эскадрой ВМС Антанты. На окраине самого Оса также расположены казармы, используемые Антантой для размещения своих войск по дороге на фронт и обратно.

В настоящее время штурм Осфьорда считается нецелесообразным».

Выдержка из Имперского доклада о состоянии обороны Легадонской Антанты в Осфьорде, последнее обновление от 19 сентября 1924 года.

[29 ноября 1924 г. - Осфьорд]

В первые дни войны, когда предыдущее правительство Легадонии начало вторжение в оспариваемый регион Норден, Энсон служил на передовой в качестве лидера отряда воздушных магов. Хотя вторжение немедленно превратилось в безбожную неразбериху из-за полной неподготовленности Антанты (именно поэтому ее теперь называли прежним правительством), Энсон хорошо отличился, сумев сохранить своих людей в живых даже при

обеспечении прикрытия во время отступления, уничтожив имперскую артиллерийскую батарею.

Это принесло ему медаль, повышение до нынешнего звания полковника и сомнительную честь быть отправленным обратно на передовую, где он и сражался до тех пор, пока его подразделение не было отозвано для поддержки гарнизона Осфьорда с одновременной заменой бойцов, которых он потерял под имперским огнем. Они пробыли здесь уже месяц, и Энсон со дня на день ожидал перевода на передовую — вот только ситуация начала меняться с головокружительной скоростью.

В эти последние несколько месяцев начальство сделало все возможное, чтобы предотвратить панику, но слухи о случившемся с дакийской армией все же гуляли среди войск. Конечно, никто на самом деле не верил в истории о десятках тысяч человек, погибших за считанные минуты, и заявления об имперском супероружии также вызывали только насмешки. Самая популярная теория заключалась в том, что дакийцы были идиотами и пошли в бой без прикрытия с воздуха, что позволило Империи раздавить их небольшим отрядом элитных воздушных магов, убив их командиров и превратив остальных в легкую добычу для магической воздушной бомбардировки.

Сам Энсон считал, что эта теория имела смысл, но не мог не думать, что в ней было нечто большее. Если дакийская армия действительно потерпела такое поражение, почему Империя заявила, что это было дело рук их так называемых Вундерваффе, вместо того, чтобы воздать должное героическим магам, отбросившим захватчиков? Его заместитель предположил, что они надеялись запугать другие народы, и что для подобной цели угроза супероружия была эффективнее угрозы могущественных воздушных магов. Но Энсона это не убедило. Он слышал шепотки в штабе: командный состав казался слишком обеспокоенным, даже учитывая, что они вели войну без надежды на победу и в которой в принципе не должны были участвовать.

А потом, сразу после ухода его части с фронта, Империя начала наголову громить силы Антанты. Целые аванпосты уничтожались посреди ночи, лишь с несколькими испуганными криками по радио перед полной тишиной по связи. Склады снабжения уничтожались, ключевой персонал истреблялся, целые роты магов просто исчезали, и все это без единого сигнала вражеской маны, обнаруженного первоклассными магическими радарными, предоставленными союзниками Легадонии. Положение армии Антанты, и без того шаткое, стало просто катастрофическим.

За несколько недель оспариваемый регион Норден оказался полностью под контролем Империи, и имперцы двинулись на саму Легадонию. Антанта изо всех сил старалась соорудить сплоченную линию обороны за счет резервов и нескольких подразделений, которым удалось выбраться из Нордена живыми, но все знали, что трудно будет даже просто продержаться до зимы, условия которой заставят Империю остановить свое наступление. И даже это лишь отсрочит, казалось бы, неизбежное поражение до весны.

Между этим и все еще циркулирующими слухами о Дакии напряженность была высокой. Один из новобранцев даже полшутит, что Империя, должно быть, заключила сделку с Дьяволом, чтобы вернуть земли, за которые Антанта и «группы добровольцев», посланные ее иностранными союзниками, так яростно сражались. Энсон, конечно, просто посмеялся над этим.

Но теперь полковник серьезно пересмотрел свою позицию по поводу адских пактов, являющихся источником внезапных побед Империи. Не далее как час назад ночь была ясной, звезды и луна освещали достаточно, чтобы воздушный маг смог распознать ориентиры на

местности под собой. Но теперь вся прибрежная твердыня накрылась грядой густого тумана, появившегося просто из ниоткуда и уменьшившего видимость до расстояния вытянутой руки. Если бы не магические сигналы, которые испускала остальная часть его отряда, он бы подумал, что остался совершенно один.

Это не было естественным погодным явлением: он чувствовал в нем магическую энергию. Туман даже испортил радиосвязь, сделав бесполезными все, кроме средств ближнего радиуса действия. Он и его люди взлетели, как только прервалась связь, но туман умудрился даже испортить их компасы, в результате чего они безнадежно заблудились, не имея возможности даже просто вернуться на свою базу. Его команда разделилась на две группы, но они не смогли связаться с остальной частью своего подразделения в течение нескольких секунд после входа в туман, и Энсон был вынужден выкрикивать приказы своим товарищам оставаться в опасной близости от него, просто чтобы иметь возможность чувствовать ману друг друга и общаться.

Они поднимались, набирая высоту, пока, наконец, не пробившись сквозь туман. Они оказались высоко, но не настолько высоко, чтобы не удержаться там с помощью своего снаряжения. Туман расползлся под ними, как бушующее море, полностью покрывая землю и море. Они снова попытались связаться с остальными силами Антанты, но все каналы по-прежнему были заблокированы.

Несколько мгновений спустя туман начал рассеиваться, опять же слишком быстро, чтобы это было естественным. Зрелище, что открылось Энсону и его людям, потрясло их и привело в ужас. Береговые батареи Осфьорда, являвшиеся ключом к обороне города, горели, а из взорванных погребов уничтоженных орудий поднимались густые столбы черного дыма. Крошечные силуэты двигались против пламени, пытаясь спастись от ревушего ада.

«Какого черта?» — потрясенно пробормотал один из людей Энсона.

Они с ужасом наблюдали за происходящим, Энсон знал, что он стал свидетелем падения своей любимой страны. Его сознание пошатнулось, он знал, что должен приказать отступить, но просто не мог оторвать глаз от увиденного. Затем что-то на краю видимости привлекло его внимание, и он повернулся — только чтобы увидеть еще одно невозможное зрелище. Там, среди заполненного дымом ночного неба, парила фигура, занимая позицию примерно в двухстах метрах от них лицом к нему.

Фигура была полностью одета в толстый черный кожаный плащ, под которым не было видно ни единого дюйма кожи. Единственным признаком того, что это была женщина, была небольшая выпуклость на груди: ее лицо было закрыто противогазом с затемненными линзами, которые ничего не пропускали. На ней были металлические перчатки, с которых все еще капала кровь, из чего было ясно, что всего несколько мгновений назад она участвовала в жестоком бою. На спине у нее висела стандартная имперская магическая винтовка с примкнутым штыком — она даже не достала оружие. Ее руки были скрещены на груди, и она смотрела на Энсона и его людей, не показывая ни капли беспойства.

Затем Энсон увидел еще одну фигуру в плаще, и еще, и еще. Они были полностью окружены, а его отряд из двенадцати человек был превзойден по численности два к одному. Единственная причина, по которой они все еще были живы, заключалась в том, что имперцы не воспользовались преимуществом внезапности, чтобы убить их, прежде чем они успели отреагировать.

Как, черт возьми, они оказались так близко?! Он не чувствовал приближения каких-либо мана-сигналов...

Энсон почувствовал, как его сердце замерло в груди при осознании просходящего. Империя разработала неотслеживаемый магический полет. Вот почему они так быстро захватили Норден и вместе с туманом разрушили укрепления Осфьорда. Воздушные маги целиком полагались на способность обнаруживать силу друг друга, (даже если она значительно уступала в точности специализированным устройствам), чтобы отслеживать как своих союзников, так и противников: учитывая их рабочие скорость и дистанции, на простое человеческое зрение полагаться было нельзя.

Без этого оставались только стандартные радары, а те были откалиброваны для самолетов, а не летающих объектов размером с человека. Энсон всю свою взрослую жизнь провел в армии в качестве воздушного мага и никогда даже не слышал о возможности такого незаметного полета. Это изобретение было не таким броским, как то, что разорвало дакийскую армию в клочья, но Энсону хватило даже минутного размышления, чтобы понять, насколько это обманчиво простое новшество изменит... нет, уже изменило ход войны.

«Полковник, что нам делать?!» — крикнул один из его подчиненных в панике, как только они тоже заметили свое положение.

«Не открывайте огонь», — неохотно приказал он. — «Посмотрим, чего они хотят».

«Полковник! Приближается мана-сигнал!»

На мгновение Энсон подумал, что это еще один выживший маг Антанты, но вид приближающегося мага вскоре развеял заблуждение. Этот был одет в более знакомую форму имперских воздушных магов, только гораздо меньше, чем когда-либо встречал Энсон. К своему удивлению, он понял, что смотрит на ребенка младше его дочери. О чем вообще думала Империя, отправляя детей на передовую?!

Хотя подождите, она летела своими силами и в разгар военной операции. У нее, должен был быть редкий магический талант, хотя Энсон все еще с трудом верил, что даже Империя могла зайти так далеко.

На ее шее висел противогаз, который, как ее остальная униформа, должен был быть специально изготовлен под ее размер — по крайней мере, Энсон очень надеялся на это, не желая думать, что у Империи были целые склады детского военного снаряжения. На ее униформе были знаки отличия майора, что только добавляло картине сюрреалистичности.

«Добрый вечер, маги Легадонской Антанты», — объявила она, остановившись метрах в десяти от Энсона и его людей. Она указала на море позади них. «Пожалуйста, взгляните туда. Видите приближающиеся огни?»

Так и было, и Энсон знал, что это значило. Это были огни имперских кораблей, приближающихся к фьорду. Имперский Северный Флот продвигался к Осу, и у запаниковавших, дезорганизованных войск, преграждавших им путь, не было никакой надежды на успех.

«Если вы не сдадитесь, полковник, то умрете напрасно», — прямо сказала она ему. — «Как и люди под вашим командованием. Эта битва окончена, а вместе с ней и участие Антанты в войне, которую она начала. Самое позднее через несколько недель имперские войска подойдут к вашей столице».

Энсон знал, что она не хвасталась и не злорадствовала, хотя часть его хотела опровергнуть ее слова. Она просто констатировала факты настолько ясно, насколько могла.

«Если вы можете так легко нас убить, то зачем вообще предлагать нам сдаться?» — хрипло спросил он. — «Никто не наблюдает за нами сейчас, кроме разве что Бога, и мы все видели, на что вы способны. Разве сохранение в тайне подобных возможностей не важнее, чем жизни кучки вражеских солдат?»

Она улыбнулась, и, несмотря ни на что, это было без сомнения самым страшным, что Энсон увидел за этот вечер.

«Во-первых, полковник, вы не знаете всех наших истинных возможностей. Никто во всем мире не знает. Во-вторых, что куда важнее, мне не доставляет удовольствия убивать людей. Эта война была развязана вашей страной, потому что ей нужен был козел отпущения для отвлечения внимания общественности от внутренних проблем вашего правительства. Сотни ваших соотечественников уже погибли этой ночью, и полагаю, что еще больше погибнет до восхода солнца. Но если вы сдадитесь, я могу обещать, что не только с вами, но и с вашими будут обращаться хорошо, и я обращусь к войскам под нами с таким же предложением. В конце концов, в победе нужно быть милосердным, чтобы не сломаться, если маятник качнется в другую сторону».

Так это были знаменитые имперские логика и прагматизм в действии...?

Энсон подумал о молодых ребятах под его командованием, о данном им обещании вести их в меру своих способностей. Он подумал о клятвах, данных своей стране, о священном долге всех людей сражаться за свое отечество.

Потом он подумал о женщинах и детях, которых он видел на сборных пунктах, сдерживающих слезы, прощаясь со своими мужьями и отцами, отправляющимися на мясорубку войны. Он подумал об их отчаянных мольбах кому-то, хоть кому-нибудь, положить конец этой ужасной войне, начатой людьми, что точно знали, что расплачиваться за нее будут не они.

Он подумал о жене и дочери, ожидающих его дома, и сделал свой выбор.

«Бойцы, — обратился он к своим солдатам, — «мы проиграли. Прошу вас, не растрачивайте свои жизни напрасно. Наша страна, наши семьи будут нуждаться в нас в ближайшие дни».

К счастью, никто из них не протестовал. Как и он сам, они были напуганы всей этой ситуацией. Он оглянулся на маленькую девочку, что смотрела на него глазами, слишком старыми для столь юного лица. Он повертел винтовку в руках и выставил ее прикладом вперед.

«Я, полковник Энсон Сью из легадонской армии, официально сдаю себя и своих людей под вашу опеку, майор», — сказал он, заставляя свой голос оставаться твердым, несмотря на позорные слова.

«А я, майор Императорской Армии Таня Дегуршафф, признаю и принимаю вашу капитуляцию», — ответила она, подлетая к нему и забирая винтовку, которая в ее руках выглядела до смешного большой. «Спасибо за разумность, полковник. Мне действительно не хотелось вас убивать».

Как ни странно, Энсон поверил ей.

[6 декабря 1924 г. — оккупированный город Ос.]

Пока я пила кофе Виши (где она умудрилась раздобыть зерна для своего обычного напитка, я понятия не имела, да и дареному коню в зубы смотреть не собиралась) в нашем временном жилище на окраине города, я не могла не думать, что на этот раз была на удивление близка к смерти. Когда полковник Сью показал себя разумным человеком и объявил о своей капитуляции, мне едва удалось скрыть облегчение. Конечно, если бы дело дошло до драки, я был уверен, что Виша и остальные разорвали бы вражеских магов в клочья, но я-то была всего лишь человеком. Пожелай легадонские воздушные маги сглотить напоследок, они вполне могли бы перед неизбежной смертью убить меня.

Но показать себя им было необходимым риском. Мне нужно было, чтобы моя репутация была чем-то большим, чем просто эффективностью, с которой я уничтожала врагов Империи, используя таинственные Вундерваффе, разработанные Подразделением Y. Если я хотела избежать судебного преследования за военные преступления после окончания войны, мне нужно было создать образ разумного человека, готового брать пленных и хорошо с ними обращаться. А поскольку унтотены пленных не брали, это означало полковника Сью и его банду весельчаков.

После его капитуляции, я отправилась вниз, чтобы повторить предложение разрозненным легадонским подразделениям, отчаянно готовящимся к обороне от имперских сил, победить которые у них не было никакой надежды даже без нашего вмешательства. Вида унтотенов, спускающихся с неба под освещением от горящих береговых орудий и с их собственными пленными воздушными магами, было достаточно, чтобы сломить остатки их боевого духа, и бедолаги начали сдаваться целыми толпами, к немалому изумлению прибывших через несколько минут имперских солдат.

Конечно, я не рисковала своей жизнью вслепую. Я следила за легадонцами издали и поняла, что по крайней мере половину их численности составляли новобранцы, а это означало, что полковник, более похожий на ветерана, уже видел гибель многих своих соотечественников на войне, начатой его правительством. Готова поспорить, что он-то уж точно не был фанатичным патриотом и не хотел бы видеть новые бессмысленные смерти, и эта ставка хорошо окупилась.

На самом деле, «просчитанный риск, который окупился» был неплохим обобщением для всей операции, несмотря на все мои опасения от просьбы генерала Рудерсдорфа использовать плоды работы Подразделения Y для выхода из тупика на Северном фронте до прихода зимы.

Мы развернулись глубоко в тылу врага посреди ночи благодаря Неживым, которые несли меня и оккультистов Подразделения Y, отправившихся со мной на Северный фронт.

Эти так называемые оккультисты были исследователями Подразделения Y с талантом к магии недостаточным для вербовки в качестве воздушных магов, но достаточным для участия в ритуалах, разработанных Мыслящей Машиной. Мне самому не нравился этот термин, поскольку в нем слишком много оккультowych коннотаций на мой вкус, но это были мои современные предубеждения. В этом мире, до революции, вызванной магической сферой, оккультисты были магами среднего пошиба, часто выходцами из богатых семей, стремившимися постигнуть тайны магии. Для многих из них работа в Подразделении Y была первой честной работой в их жизни, что во многом объясняло плачевное состояние Подразделения на момент моего назначения туда.

С технической точки зрения мое присутствие было излишним. Но я не собиралась допустить, чтобы это произошло без моего присутствия, чтобы принять меры в случае проблем с ритуалом, и не хотела выпускать Неживых из поля зрения. И кроме того, если бы дела пошли плохо, всю вину в любом случае свалили бы на меня, так что я хотела быть в центре событий,

чтобы заодно получить все похвалы в случае успеха.

И что за успех это был. Проект N, Nebel, до сегодняшнего дня тестировался только в гораздо меньших масштабах, но превзошел мои самые смелые ожидания. Туман полностью заблокировал обзор и связь Антанты, позволив Неживым проникнуть на их военно-морские базы и уничтожить их орудия и личный состав. Я могла представить себе ужас людей, внезапно запертых в бункерах с кучкой вампиров, хотя, по крайней мере, противогазы не давали Неживым питаться (я не хотел оставлять обескровленные трупы, и прививать Више и другим пристрастие к взятой силой крови).

Способность Неживого обнаруживать признаки жизни имела меньший диапазон, чем обнаружение маны магами, но она работала по совершенно другой системе и не нарушалась Проектом N и магическими приманками, что стало одним из ключевых факторов успеха атаки на Осфьорд. Прибавьте к этому с их необнаружимый полет, сверхчеловеческие скорость, силу и выносливость, и когда дело доходило до битвы, Неживые, подпитываемые увеличенным рационом магической крови, были не вампирами в стиле Дракулы, а скорее поддельными суперменами-нежитью. И даже поддельный криптонец все же был потрясающим охотником на магов, как наглядно показала эта операция.

Тем не менее, мы израсходовали почти весь наш запас крови, вытесняя Антанту из Нордена, и большую часть оставшейся в последующие дни. Хотя я и удостоверилась, что у нас оставалось достаточно для удовлетворения их основных потребностей, в ближайшее время я не могла позволить им снова разгуляться до такой степени. Что обещало стать еще одной головной болью в долгом списке, так как остальная часть Имперской Армии, несомненно с большим энтузиазмом пожелает использовать их в будущем, и я не могла бы просто объяснить невозможность этого. Надеюсь, я смогу говорить им «засекречено», пока не сдадутся.

Я была почти уверена, что их метаболизм намного лучше перерабатывал ману, чем даже у самых элитных человеческих магов, поскольку поглощаемая ими кровь просто не могла содержать достаточно энергии, чтобы подпитывать их так долго на таком уровне активности. Или же Неживые просто каким-то образом нарушали закон сохранения энергии, что, к сожалению, бы столь же вероятно, стоило мне задуматься над этим.

Вся легадонская оборона Осфьорда была уничтожена менее чем за час. Менее двадцати Неживых убили сотни вражеских солдат и командиров, прежде чем саботировать большие орудия, оставив готовую для захвата территорию, как только мы закончили рассеивать сверхъестественный туман. Я была очень тверда в своих инструкциях, что остальные имперские силы должны ждать моего сигнала, прежде чем наступать, и, к моему глубокому облегчению, они последовали плану вместо того, чтобы атаковать в тот самый момент, как туман начал рассеиваться.

Что было очень хорошо, потому что, несмотря на свое безобидное название, Проект N был, если я правильно поняла структуру сверхъестественного заклинания, дыханием какой-то космической сущности, призванным в наш мир (надеюсь, незаметно для нее). Мы проверили его воздействие на сельскохозяйственных животных в замке Шварцштайн и обнаружили, что любое воздействие протяженностью менее двух часов не оказывает долгосрочного негативного воздействия на свиней, что было максимально близко к испытаниям на людях, не тратя наш ограниченный набор осужденных на смерть заключенных. Даже кратковременное воздействие могло вызвать панику и множество временных психологических проблем, ни одну из которых мне не хотелось навлекать на имперские войска Северного фронта.

Туман был тем опаснее, чем ближе к источнику, поэтому я и все оккультисты были в

противогазах, а Untoten и вовсе сделали его частью своей стандартной солнцезащитной униформы (и на всякий случай я сказала им, как можно меньше душать во время операции). Во время нашего разговора Сью, казалось, не страдал от воздействия тумана, но, будучи воздушным магом, он мог просто с самого начала использовать дыхательное заклинание. Будучи первыми магами, подвергшимися воздействию Проекта N, я не сомневалась, что полковник и его люди будут подвергнуты всевозможным медицинским тестам любопытными исследователями Подразделения Y, но я была уверена в своей способности замаскировать это под стандартное обращение со всеми военнопленными в цивилизованных странах.

... До тех пор, пока мне удастся удерживать самых безумных из моих исследователей от вивисекции бедолаг. Никто из персонала Дивизиона Y еще не зашел так далеко (а если и зашел, то пугающе хорошо держал это в секрете), но, учитывая специфику нашей работы, я была уверена, что это был лишь вопрос времени.

После того, как битва на Осфьорде закончилась и город Ос был взят под контроль, Антанта начала складываться, как карточный домик. Учитывая, что мы окружили их основные силы и фактически вырвали их тыловое сердце, вряд ли их можно винить в этом. Линия фронта полностью развалилась, так как солдаты оказались отрезаны от снабжения и вынуждены выбирать между капитуляцией или смертью от голода и холода.

Я послала Вишу и остальных помочь в операциях по зачистке, следуя тем же процедурам, что так хорошо послужили нам во время завоевания Нордена. Двигаясь стандартными взводами по четыре человека, Неживые выслеживали остатки сопротивляющихся легадонских магов, делая все возможное, чтобы по возможности захватить их живыми для отправки в тот же лагерь для военнопленных, что и полковника Сью с его людьми. И все же погобших было достаточно, чтобы, если бы Подразделение Y было более публичной частью Имперской Армии, некоторые из Неживые могли бы теперь считаться Асами. Конечно, учитывая, что подозрительное количество этих самоубийственно храбрых «легадонских магов» были явными иностранцами, посланными другими силами в рамках их усилий по поддержке Антанты, мы не могли бы объявить об их устранении, даже если бы Неживые были обычными воздушными магами.

Что ж, чрезмерная слава в конце концов принесла больше проблем, чем решила. Несмотря на все мои усилия по контролю над информацией, уже ходили слухи о замаскированных элитных воздушных магах, что наносили удар без предупреждения и оставляли после себя лишь смерть и разрушения.

Неживые также совершали ночные набеги на укрепленные позиции легадонцев, хотя в ходе таких нападений процент выживших противников был намного ниже. Солдаты, не являющиеся магами, были, по словам тревожно улыбающегося Виши, «слишком мягкими», чтобы Неживые могли оставить их в живых во время боя: унтотенам приходилось прилагать определенные усилия для убийства осведомленного об их присутствии мага, в то время как простые солдаты умирали слишком легко в бою с вампирами, использующими весь потенциал своих трансформированных тел.

В конце концов, Проект U не понес ни единой потери, а полученные раны легко залечили увеличенным кровавым рационом и отдыхом. Я была рада видеть, что обширная летная и боевая подготовка, которой я их подвергла, стоила затраченных усилий. Конечно, такие блестящие результаты частично объяснялись их полным преимуществом во внезапности: рано или поздно другие страны приспособятся к уникальным способностям, которыми обладал наш небольшой отряд летающих солдат-вампиров.

Но не хотела бы я быть на месте несчастного олуха, которому поручат искать способ

противостояния им. Я сама разработала несколько возможных методик, хотя бы для того, чтобы знать, чего ожидать, когда противник начнет приспосабливаться (а также в случае мятежа, но пока такая возможность казалась очень маловероятной), но ни одна из них не была особенно простой или удобной на практике, а ведь я имела преимущество точной информации о возможностях Неживых.

После падения Осфьорда мы больше не задействовали Проект N: в нем не только не было необходимости, в добавок я опасалась использовать его в таких масштабах столь часто. Планета была все еще в целостности и сохранности, из чего можно было сделать вывод, что мы не пробудили сверхестественный кошмар, ответственный за создание тумана, но и дальше рисковать подобным желанием у меня не было никакого. Оккультисты могли и быть уверены в полном отсутствии риска, но я была более чем счастлива быть надоедливым параноиком в этом вопросе.

В конце концов, кто-то должен был, и даже если мой худший кошмар не никогда не станет явью, я также опасалась воздействия повторяющихся ритуалов на самих оккультистов. В моем старом мире было довольно устоявшееся знание, что взаимодействие с Мифами наносит ощутимый ущерб здравомыслию, что с каждым разом становился все хуже, и у меня не было желания иметь дело еще и с этим вдобавок ко всему остальному.

В целом же, наше небольшое путешествие прошло на удивление хорошо, и нам пора было возвращаться в замок Шварцштайн. Я и так слишком долго отсутствовала: кто знает, чем занималась остальная часть Подразделения Y в мое отсутствие. Надеюсь, на этот раз начальство оставит нас в покое... ах, кого я обманываю. Мы совершили для них два чуда. Можно даже не сомневаться, что наше следующее задание уже будет ждать меня по прибытии.

Будь ты проклят, Сущность X!

ЛЕГАДОНСКАЯ АНТАНТА ПОВЕРЖЕНА!

Вчера, после более чем года ожесточенных войн, последовавших за неспровоцированным нападением Легадонской Антанты на нашу прекрасную Империю, нация, ответственная за развязывание Великой войны, официально капитулировала. Представители Совета Десяти, правящего органа Легадонии, встретились с бригадным генералом Куртом фон Рудерсдорфом, исполняющим обязанности командующего Северной армией, и подписали соглашение о капитуляции (см. фотографию выше).

Условия капитуляции включают формальное признание ответственности Антанты за развязывание Великой войны и погружение мира в хаос, а также обещание выплатить репарации, экстрадировать политиков, которые приняли бессердечное и абсурдное решение о вторжении в Имперскую северную область. Все военнослужащие Легадонии должны быть разоружены, а военные объекты страны будут оккупированы Империей до конца войны, в то время как все запасы военных ресурсов будут востребованы. Однако, помимо этих более чем разумных требований, Империя была милосердна в своей победе: сам Кайзер ранее сегодня выступил с заявлением, в котором выразил надежду, что это станет первым шагом к примирению между нашими двумя народами.

Эта великая победа стала возможной благодаря падению города Ос десять дней назад в результате дерзкого маневра наших храбрых воинов. Используя стелс-технологии, разработанные в самых секретных лабораториях нашей славной империи, элитный отряд

командос смог проникнуть в твердыни Антанты и вывести из строя их могучие орудия, что позволило нашему флоту захватить Ос. В результате армия Антанты оказалась в ловушке между нашими войсками, продвигавшимися на север из Нордена, и войсками, высадившимися в Осе, что не оставило им иного выбора, кроме как сложить оружие, чтобы избежать уничтожения.

В очередной раз славные сыны Отечества доказали, что нет в мире армии, которая могла бы сравниться с их доблестью и изобретательностью!

Выдержка с первой страницы «Берун пост» от 10 декабря 1924 г.

«Миссис Сью,

Мой долг сообщить вам, что ваш муж, полковник Энсон Сью, был захвачен в плен и в настоящее время находится под стражей Имперской Армии.

В соответствии с положениями Вормской конвенции, регулирующими обращение с военнопленными в период войны, вы можете ходатайствовать о посещении. К этому письму приложен список процедур, которые вам необходимо выполнить для подачи запроса о посещении, а также меры безопасности, которым вам будет необходимо следовать после удовлетворения запроса.

Будьте уверены, что с вашим мужем обращаются по-человечески и что он в прекрасном состоянии здоровья. Он сражался с храбростью и честью и сдался, когда понял, что единственное, чего он мог добиться, продолжая сражаться, — это лишиться своей жизни и, что было важнее для него, жизней храбрых легадонских солдат под его командованием.

Если у вас есть дополнительные вопросы или вам нужна помощь в заполнении форм, вы можете обратиться за помощью в ближайший имперский оккупационный офис, адрес которого должен был быть опубликован в вашем местном информационном бюллетене или быть доступным в вашей мэрии или аналогичном месте. ."

Письмо Имперского оккупационного управления в дом полковника Энсона Сью от 12 декабря 1924 года.

«Я до сих пор считаю себя тем же человеком, каким была до смерти и воскресения. У меня есть все мои воспоминания, все мои умения и все мои эмоции. Когда я думаю о своих родителях, я все так же скорблю об их гибели на Руси. Когда я думаю о своих тете и дяде, приютивших меня, меня охватывает прилив благодарности за то, что им не приходится жить с горем от моей смерти, даже если пока я могу только обмениваться с ними цензурированными письмами.

То же самое относится и к остальным моим сверстникам. Мы изменились, это бесспорно. Убийство теперь не пугает нас, независимо от того, насколько мы привыкли к нему раньше, и наша жажда крови заменила тягу к любой другой пище. Но разве не все солдаты меняются после того, как пережили войну? Осмелится ли кто-нибудь действительно сказать, что ветеран, вернувшийся из рейнских окопов, — это не тот же человек, что отправился туда, кроме как в качестве метафоры о том, насколько глубоко он был затронут пережитым? Это работает так же и для нас.

Да, наша жажда крови может довести нас до звериного безумия, даже если майор запретила любые попытки проверять это. Но разве это не относится ко всем людям? На моей потерянной родине, Руси, голода и отчаяния, вызванных некомпетентностью царя, было достаточно, чтобы побудить крестьян и рабочих восстать против своих хозяев, несмотря на ужасные трудности, с которыми они столкнулись. Даже если их Революция и закончилась успехом, несомненно, те, кто первыми подняли вилы, должны были знать, что их шансы на выживание невелики, но голод подтолкнул их к отчаянной попытке, несмотря ни на что.

Полагаю, то же самое справедливо и для Империи. Даже самый преданный имперский солдат взбунтуется, если его начальник умышленно откажет ему в еде, необходимой для жизни. Но я знаю, что майор никогда не сделает ничего подобного. Она слишком мудра и слишком добра, даже если старается не показывать этого.

Мы уже не люди, но мы все еще личности. И каким бы ни было наше происхождение, мы все переродились здесь, в замке Шварцштайн. Благодаря этому перерождению Империя стала нашей единственной настоящей родиной, и мы будем сражаться ради ее защиты под командованием майора Дегуршафф, против всего, что мир бросит против нас».

Выдержка из записей Виктории Серебряковой, заархивированных в рамках продолжающейся оценки психического состояния Неживых Подразделением Y.

«Что касается произошедшего у Осфьорда, то ущерб, нанесенный защитникам под покровом таинственного тумана, напоминает урон, нанесенный полностью усиленными боевыми магами, выступающими против обычных солдат. Но у Антанты были свои собственные маги, и, хотя большинство не смогли вовремя среагировать и в итоге сдались (предпринимаются попытки связаться с пленными для получения информации), в районах все еще оставалось немало магов, уничтожавшихся еще перед подходом основных имперских сил.

Мы не нашли свидетельств потерь со стороны имперцев во время этого авангардного штурма, так что, если потери и были, их следы были устранены до прибытия наших оперативников. Как имперцы смогли развернуть ударную силу такой мощи перед своей основной армией без обнаружения нами, на данный момент неизвестно: наша разведка указывает, что туман начал формироваться далеко за линией фронта, блокируя радиопередачи и делая обнаружение маны намного сложнее. Это указывает на то, что имперцам удалось проникнуть на территорию Антанты до развертывания тумана. Наша лучшая догадка заключается в том, что они использовали какую-то форму высотного десантирования, сбросив горстку магов с самолетов, прежде чем развернуть туман и вывести из строя оборону Осфьорда.

Несмотря на различия в исполнении, мы считаем, что во внезапном крахе Легадонской Антанты была замешана та же самая имперская организация, что ответственна за бесчеловечную резню дакийской армии. Очевидно, что оружие, которое убило тысячи дакийцев, не было тем же самым, что было развернуто в Осфьорде, но вполне вероятно, что оба они были продуктами одного имперского исследовательского отдела. Мы обнаружили следы обмена сообщениями между Центральным штабом и группой под названием «Подразделение Y» с просьбой о помощи на Северном фронте всего за несколько недель до катастрофы у Осфьорда. Дальнейшее расследование показало, что Подразделение Y также несет ответственность за уничтожение дакийской армии, хотя, судя по всему, масштаб этой победы застал врасплох даже самих имперцев: было ли это связано с эффективностью Вундерваффе Подразделения Y или некомпетентностью Дакии на данный момент остается неясным.

Если результаты нашего расследования верны, Подразделение Y действует под прямым руководством Центрального штаба Империи, но базируется в единственном секретном месте, которое нам еще только предстоит обнаружить. Мы продолжим наши усилия по поиску этого исследовательского центра, но, как и следовало ожидать, Империя очень хорошо скрывает столь важную информацию».

Выдержка из отчета Агента 404 Секретной службы Альбиона, 20 декабря 1924 года.

[21 декабря 1924 г. — Лондиниум]

В комнате, роскошный декор которой противоречил серьезности рассматриваемого дела, собрались несколько из самых могущественных людей во всем Союзном королевстве. Бокалы с дорогим алкоголем были забыты на столе, вокруг которого они сидели, и их лица были мрачны, когда они закончили читать последние сводки данных о состоянии Великой войны. Не только они были членами этой группы, но они были наиболее вовлеченными в текущую ситуацию, и единственными, кто был доступен, когда поступил отчет.

Один из мужчин был старым солдатом, который прожил достаточно долго, чтобы подняться на самую вершину военной иерархии Королевства. В этой группе он был известен под титулом Кей. Другой был мастером-шпионом, чьи агенты были разбросаны по всему миру, играя в Большую Игру на благо Союзного Королевства: занимающий место за столом под именем Агравейн. Третьим был Королевский Волшебник, личный советник Короля и его представителей по всем магическим вопросам, которого, разумеется, звали Мерлином. Четвертый занимал должность в правительстве, на объяснение которой человеку, непосвященному в сложную внутреннюю политику Союзного Королевства ушло бы много часов, но которая оказывала значительное влияние на и внешнюю политику. Его звали, что почти наверняка было перешедшей в традицию шуткой предков, Мордред.

Все они были очень разными людьми, объединенными преданностью своей стране и происхождением из древнейших дворянских родов Королевства. В том или ином виде, их семьи всегда работали вместе из тени ради блага короны и страны на протяжении поколений, но никогда за все это время они не сталкивались с загадкой, подобной текущей.

«Что ж», — сказал старый солдат, наконец закончив чтение рапорта, — «ну и беспорядок. Мерлин, что ты думаешь обо всем этом?»

«Мне нужно свериться с архивами моего офиса, но если с ходу? Как и в случае произошедшего с Дакийской армией, Альбион никогда не сталкивался с чем-то вроде этого тумана. Магия, описанная здесь, просто... не имеет смысла в контексте любой магической школы, о которой я мог бы подумать».

«Значит, имперцы действительно обнаружили какой-то запас магических знаний со времен до инквизиции?» — спросил Агравейн. Мерлин покачал головой.

«Может, и так, но само по себе это не объясняет увиденное нами до сих пор. Полагаю, текущая ситуация является результатом все той же имперской изобретательности, что повлияла на остальную часть их машины войны, просто применительно к магическим исследованиям. Мы в конце концов, все еще говорим о нации, которая изобрела вычислительную сферу: вполне логично, что они не стали останавливаться и почивать на лаврах после такого достижения».

«Значит, все это время, пока остальные изо всех сил пытались угнаться за ними в разработке

сфер, они еще и проводили исследования для военного применения широкомасштабной магии, помимо основ магической артиллерии, полета и подкреплений?»

«Это кажется вполне вероятным. Конечно, эти «Вундерваффе», что мы теперь увидели в деле, должны быть результатом многих лет тщательных исследований и разработок, возможно даже десятилетий».

«А я и намека на это не заметил, пока не засвистели пули», — пробормотал удрученный Агравейн.

«По крайней мере, теперь у нас есть для них имена», — попытался успокоить своего сверстника Мордред. — «Подразделение Y, не так ли?»

«Да». — Агравейн внезапно оживился. — «Я попрошу своих людей сделать все возможное, чтобы узнать больше. Само знание о существовании этой организации должно помочь нам в этом отношении. У нас было мало возможностей узнать о них, но теперь кот вылез из мешка».

«Это все хорошо, — перебил Кей, — но все еще оставляет нас в очень плохом положении. Франсуаская Республика — единственный оставшийся в войне соперник, но они не смогут противостоять всей мощи Империи в одиночку. Они дадут имперцам бой, не заблуждайтесь, но они проиграют, даже если на подхвате больше не будет еще больше этих Вундерваффе. И тогда Империя станет безраздельным гегемоном континента, чего мы и пытались избежать на протяжении многих десятилетий».

«Они заполучили оставшиеся войска Антанты, верно?» — спросил Мерлин.

«Все так», — подтвердил Кей, — «Не то чтобы им от этого было много пользы. Оставшиеся корабли флота Антанты, которым удалось вырваться из блокады Имперского Северного флота, оказались приятным дополнением к собственным военно-морским силам Республики, но они не будут особенно полезны на Рейне, а из солдат на борту едва ли наберется одна полная дивизия, да и сбежали они с небольшим количеством тяжелой техники. Маги были бы полезны, но имперцы охотились на них безжалостно, так что лишь немногим удалось выбраться».

«А что насчет ситуации в самой Легадонии?» — спросил Мордред. — «Их законное правительство сейчас под нашей защитой. Можем ли мы использовать это, чтобы уменьшить давление на Республику?»

Это было единственной положительной стороной всей катастрофы с крахом Антанты, не считая спасения горстки легадонских подразделений Франсуаской республикой. Эвакуация Абенсолла - легадонского советника по иностранным делам, прямо перед имперским наступлением прошла без сучка и задоринки, и теперь он находился в безопасности в Лондиниуме, совсем недавно объявив о своем присутствии на пресс-конференции для международных новостных организаций. Учитывая время и усилия, потраченные на его безопасный побег, у Мордреда определенно были веские причины надеяться на достойную отдачу от вложенных средств.

«Ну, конечно, лучше иметь этого человека на нашей стороне, но, боюсь, в этом отношении большой пользы он не принесет», — вздохнул Агравейн. — «Население Антанты прекрасно знает, что их предыдущее правительство начало войну, а потом нынешнее проиграло ее и либо сбежало, либо стало сотрудничать с Империей».

По словам Абенсолла, с которым Агравейн лично встретился вскоре после прибытия его

прибытия, это было обдуманное решение Совета Десяти. Хотя поддерживать пламя сопротивления было важно, обеспечение хорошего отношения Империи к народу Легадони было не менее важно для несчастных, унаследовавших весь этот бардак от предыдущего правительства. Он понимал их мотивы, правда понимал, но его работа и работа всего Союзного королевства стали бы значительно легче, если бы Антанта решила сражаться насмерть.

«В результате», — продолжил он, — «доверие к их политическим институтам, которое и без того было не таким уж высоким, находится на беспрецедентно низком уровне. Черт, некоторые из них напрямик требуют стать частью Империи, и я даже не уверен, что это говорят имперские агенты. Мы можем использовать Абенсолла в юридических целях, но я не вижу в будущем пламенных речей по радио, разжигающих пламя легадонского сопротивления. Вдобавок имперцы слишком умны, чтобы совершать какие-либо зверства, которые можно было бы использовать для сплочения населения против оккупации».

«Они просто собираются смириться и подчиниться?» — в ужасе спросил Кей. — «После всего этого? Мы поддерживали их месяцами, послали им на помощь несколько десятков наших самых многообещающих молодых магов, и они просто собираются сдать?»

Потеря этих молодых магов сильно ударила по Королевству, особенно по Кею. Они были отправлены в качестве «добровольческих отрядов» под надуманным оправданием о том, что они действуют по собственной инициативе, чтобы не втянуть Королевство в войну раньше времени. Цель состояла в помощи Антанте, получении информации о методах Империи и получении опыта в этой новой, ужасной войне. Вместо этого они пропали во время молниеносной имперской атаки на Норден, как и почти все развернутые там воздушные маги, и вся собранная ими информация была утеряна.

«Этого я не говорил», — заверил Агравейн. — «В конце концов, предыдущее правительство потратило годы на то, чтобы скрыть плохое экономическое положение страны, разжигая пламя патриотизма. Я уверен, что будут протесты и акты сопротивления против имперцев, и мы обязательно должны обдумать, как должным образом поддержать и вооружить их, чтобы отвести давление от Республики. Но очень сомневаюсь, что в конечном итоге они окажут большое влияние».

«Вдобавок этому, шок от внезапного поражения Дакии оставил их ошеломленными и нежелающими рисковать повторением подобного», — продолжал Кей, все еще хмурясь. — «Если Франсуа не сотворят настоящего чуда, нам самим придется вступить в войну, джентльмены». Никто не стал упоминать, что до сих пор именно Империя творила чудеса направо и налево — и все это трудами таинственного Подразделения Y. — «Возможно, мы сможем вовлечь в войну кого-то еще, но я не думаю, что кто-то присоединится, если мы не сделаем это первыми. Так что я собираюсь убедиться, что наши войска готовы к этому».

«Я пошлю запросы к иностранным послам на нашей территории», — заявил Мордред. — «Посмотрим, кто готов присоединиться к нам, прежде чем Империя станет доминирующей державой столетия. Соединенные Штаты пока не очень заинтересованы в этой игре, но Федерация Руси может и согласиться помочь, если мы дадим правильные обещания».

«А я продолжу искать в архивах либо объяснение, либо противодействие магическому арсеналу Империи», — сказал Мерлин. — «Любая дополнительная информация, которую ты сможешь раздобыть, очень поможет в этом отношении, Агравейн».

«Понятно. Что касается меня, то я собираюсь как следует занять своих людей. Вероятно, стоит подумать о том, чтобы сделать для них всех что-нибудь приятное».

Потом было еще несколько раундов обмена мнениями, и вслед за этим, после раунда прощаний и, наконец, осушенных бокалов (больно уж хороший был год урожая, чтобы тратить его впустую), четыре члена неофициального Круглого стола Союзного Королевства отправились выполнять свои обязанности.

— «Ты жив. Ты действительно... Я так рада. Когда я получила это письмо, так испугалась, что ты... что ты...»

— «Тише, родная. Все в порядке. Я в порядке, слышишь? Совершенно здоров.»

— «В самом деле? Тогда что это у тебя за повязка на руке?»

— «Ах, это? Ха-ха, не о чем беспокоиться. Военные врачи сегодня утром у всех взяли кровь, чтобы убедиться, что мы ничего не подхватили на фронте. Не хотят быть обвиненными в отравлении военнопленных или что-то в этом духе».

— «Если ты сдавал кровь, то вот это тебе понравится: я принесла немного еды. Твое любимое. Мы с Мэри приготовили ее вместе после того, как офицер, с которым я связалась, сказал, что передача помощи разрешена. Считаю это ранним рождественским подарком».

— «О, отлично! Еда здесь, ну, сытная, но не то, чтобы я бы назвал великолепной. Впрочем, мне грех жаловаться: видимо, это точно такая же еда, которую они дают своим солдатам. Шутка о том, что армия тем сильнее, чем хуже ее еда, оказалась правдивее, чем я думал».

— «Я сделала достаточно, чтобы ты мог поделиться со своими людьми. Я связалась с их семьями: мы думаем, что сможем регулярно приносить вам еду».

— «Это... это было бы здорово. Мы регулярно занимаемся физическими упражнениями и можем просить книги в местной библиотеке, но все поприветствуем такое развлечение. Как дела у Мэри?»

— «Теперь лучше, раз она знает, что с тобой все в порядке и война окончена. Она, ну, она слишком молода, чтобы по-настоящему заботиться о стране. Она просто хотела, чтобы ты вернулся домой целым и невредимым».

— «Я еще не дома. Но... вот. Я написал ей письмо. Конечно, наши друзья из Империи прочитали его, чтобы убедиться, что я не выдам никаких военных тайн. Все равно не хочу вовлекать ее в этот бардак».

— «Я передам ей. Она хотела прийти, но это не место для такой молодой... Что-то случилось?»

— «Ничего, извини. Просто странная мысль в голове возникла».

— «Как скажешь. В любом случае, Мэри велела напомнить тебе побриться, чтобы она могла расцеловать тебя, когда вернешься домой. Ты... не знаешь, когда вас освободят?»

— «Нет. Это сложный вопрос: Антанта вышла из войны, но с правительством в изгнании, призывающим всех сопротивляться оккупации, Империя не может просто выпустить воздушных магов на волю. Если оккупация пойдет плохо, они сказали, что нас даже могут отправить в лагерь для военнопленных на территории Империи, просто на всякий случай».

— «... О. Эти чертовы труссы. Мало того, что они сбежали и покинули страну, так они еще имеют наглость приказывать другим рисковать своей жизнью?»

— «Они хотят, чтобы Легадония сохранила свое достоинство и восстановила свою независимость, и думают, что поражение Империи — лучший способ добиться этого. Максимально болезненная оккупация помогает их положению, так как делает стремление к освобождению более заманчивым для населения. Я написал Мэри в письме, что я не хочу, чтобы она даже думала о присоединении к какому-то на скорую руку собранному сопротивлению - наша страна объявила войну, не будучи к ней готовой, мы проиграли, и Империя, откровенно говоря, относится к нам лучше, чем мы имеем право ожидать. Я отказываюсь верить, что правильнее всего в нашей ситуации - подвергать опасности жизни наших людей только для того, чтобы помочь бюрократам и политикам набрать политических очков».

— «Не думаю, что Мэри связалась бы с чем-то настолько опасным, Энсон. Если бы ты пострадал или хуже, тогда, может быть... Но она милая девушка».

— «Я знаю, но она еще молода. Если она попадет в плохую компанию... Просто, пожалуйста, убедись, что она остается в безопасности, хорошо? Я надеюсь, что мой народ не совершит глупостей, но для многих искушение может быть слишком большим».

— «Хорошо, я прослежу, чтобы она поняла».

— «Спасибо. В любом случае, именно поэтому я, вероятно, не смогу вернуться домой, пока не закончится война».

— «... По крайней мере, ты жив. Я буду молиться, чтобы республика Франсуа одумалась и начала переговоры о мире, чтобы ты мог вернуться домой».

— «Как и я, дорогая. Как и я».

Отрывок из разговора под наблюдением между Энсоном Сью и его приехавшей женой, записанный в соответствии со стандартным имперским протоколом для военнопленных, владеющих опасными разведданными, 23 декабря 1924 года.

<http://tl.rulate.ru/book/92767/3094942>